IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Б. Рок

ПУТЕШЕСТВИЯ ПОЛЯКОВ ПО СЕВЕРО-ЗАПАДУ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

лПутешествие является одной из наиважнейших форм общественной коммуникации. Исследования путешествий связываются с проблематикой коммуникативности. Определение мобильности общества конкретного исторического периода может представлять собой важный фактор, свидетельствующий об уровне общего развития. Поэтому исследования, посвящённые истории путешествий, имеют такое большое значение. Основным источником в решении этой проблематики являются тексты, часто обладающие литературными достоинствами, которые содержат в себе описание конкретных путешествий, а также особый жанр писем, которые документируют поездку. Литературе путешествий было посвящено много серьёзных исследований в области теории литературы, а также письменности. Этой областью интересуются филологи, историки литературы. Также историки культуры опубликовали много работ, в которых, используя тексты, описывающие путешествия, сформулировали важные выводы о способах путешествий и об их влиянии на характер менталитета определённых общественных групп.

В Европе путешествия особенно участились в Новое время на рубеже XV-го и XVI-го веков. Одновременно появилось много описаний этих поездок. В Западной Европе в печатной форме они чаще всего публиковались сразу после путешествия. Общество Речи Посполитой быстро подхватило европейскую моду на путешествия. Спецификой культуры Польши, Литвы, Белоруссии и Украины того периода было создание рукописных текстов, которые хранились обычно в библиотеках магнатских дворцов или в домах местной шляхты, а также в приходских и

© Рок Б., 2013

монастырских библиотеках. Эти рукописи были важной формой книгописания, которая доходила до довольно широкого круга читателей. Причем, факт, когда описание странствий принимало печатную форму, был довольно редким.

Проблематика истории путешествий, как уже подчёркивалось, рассматривается как форма общественной коммуникации. Проблематикой общественной коммуникации в истории периода начала Нового времени занимается много историков, которые выдвинули много значительных научных разработок для дальнейших исследований[1]. В данном случае мы решаем многочисленные проблемы, касающиеся общечеловеческого взаимодействия во время путешествия конкретного человека в среде *постороннего, чужого* ему мира. Здесь, конечно, требуется обратиться еще к соответствующим работам социологов, но в первую очередь, к антропологам культуры. Учитывая эти труды, можно анализировать проблематику путешествий, используя такие понятия как «*чужой*», «*другой*» этнический стереотип. При помощи социологов и антропологов можно также определить отношение к «*чужому*» как к «врагу» или как к «брату» или же также как к «согражданину», а также возможно как просто к «соседу».

Следует также подчеркнуть, что при исследовании проблематики общественной коммуникации историки занимаются, в первую очередь, представлением определённых культурных отношений, которые завязывают конкретные единицы или группы, благодаря которым происходит соответствующий обмен информацией, сотрудничество и взаимодействие определённых кругов, входящих в контакт. В данном случае большое значение имеет в подобных исторических исследованиях методология одинаково равного трактования всех сторон, входящих в контакт. Стоит напомнить, что в традиционной историографии доминировало понятие «*культурного влияния*», которое утверждало существование в определённом взаимодействии «*активных*» и «*пассивных*» сторон[2]. Современные концепции встреч и воздействий решительно порывают с такими взглядами[3]. Конкретные системы общественной коммуникации *предоставляют широкие возможности для взаимопонимания и сотрудничества*.

В рамках исследований путешествий с точки зрения общественной коммуникации важным аспектом в работе может быть анализ конкретных индивидуальных, межчеловеческих контактов во время самой этой поездки. Принимая во внимание подобные исследования, можно посту-

лировать составление списков людей, с которыми встречался путешественник, разумеется, отмечая место и время встреч, а также краткое описание увиденного этим человеком в момент совершения конкретной его поездки. Анализ таких данных в сопоставлении с другими совершенными тогда путешествиями может предоставить возможность сравнения информации, получаемой из разных подобных поездок в определённое время. В приготовляемых списках следует, по мере возможности, указывать обстоятельства пребывания данного путешественника в местах, которые он посещал во время анализируемой поездки. Собранные такого рода факты могут дать возможность воссоздания в общих чертах общественной жизни тех, кто тогда путешествовал. Существенным является также определение способа общения путешественников с местным населением. Это были контакты с людьми, с которыми они встречались на постоялых дворах, почтовых станциях и в других различных местах по маршруту поездки. В первую очередь, интересными оказываются описания встреч с политиками, духовенством, учёными, а также с обычными жителями другой страны. Особый характер, как показывают источники, имели встречи путешественников с их соотечественниками. В сумме всегда подобные контакты имели соответствующее оформление в зависимости от условий, в которых осуществлялись путешествия. Представление совокупности этих контактов существенным образом дополнит картину каждого вояжа.

Принимая во внимание приведённые выше общие методологические основы, можно представить несколько путешествий поляков в XVIII веке по территориям европейского северо-востока, в частности, поездок в это время в Петербург.

Эти поездки были связаны с политической ситуацией, которая наступила после образования Тарговицкой конфедерации и третьего раздела Польши, и имели политический характер. В таких случаях имеем возможность почерпнуть множество информации относительно элементов поездки, а также других впечатлений, связанных с познанием новых, неизвестных мест. Поэтому мы можем, абстрагируясь от политической ситуации, сделать много интересных выводов в этой области.

*****

Первое интересующее нас путешествие описал в виде своеобразного путевого дневника в форме писем Казимеж Константы Броэль–Плятер, инфлянтский староста (1749–1807). Письма Плятера были изданы в сере-

дине XIX века Юзефем Крашевским и заняли прочное место в польской историографии[4].

Плятер прибыл в Петербург 10 или 11 октября 1792 года как один из посланцев конфедерации в целях воздания почестей императрице и с предложением вечного мира, а также торгового соглашения. К сожалению, посольство ничего не добилось в городе на Неве. Плятер это прекрасно осознавал и в своём путевом дневнике старался объяснить причину этих неудач.

С нашей точки зрения, в путевом дневнике обращает на себя внимание ряд интересных замечаний на тему дорог и почтовых станций. Автор совершил своеобразный обзор пути и сделал соответствующие выводы. Например, что от Риги до Петербурга он ехал в течение первой недели ноября. Этот проезд длился дольше, чем был от Варшавы до Риги. Он даже произвёл математический расчёт: одну польскую милю от Варшавы до Риги он проезжал за полтора часа, а от Риги – за два. Различие в скорости передвижения Плятер объяснял состоянием дорог: «*Настоящая причина такой долгой езды была в дорогах, испорченных осенними дождями и лихих лошадях, которые нам из-за недостатка хороших на почтовых станциях подсовывали крестьянские крысы, а также и устройство станций в империи было причиной опозданий*»[5]. Кроме того, по дороге путешественники должны были переправляться через опасные броды на реках или проезжать по слабо замёрзшему льду, в другом месте на речной переправе пришлось ехать по разваливающемуся мосту. Особенно много нареканий относится к теме неудобств на имперских почтовых станциях. Только перед Петербургом, – отмечал автор − стараются проложить новую дорогу от Стрельни. По этому же случаю делается следующая запись: *«Огромный покинутый императорский дворец, заложенный Петром В., в который он обычно приезжал на охоту и поэтому это место называется Стрельня*»[6].

Освещая пребывание в Петербурге, Плятер пишет главным образом об официальных контактах с российскими сановниками, которых назначила императрица для польского посольства и о церемониале приёма у Екатерины. Как сообщается, уже при въезде в Петербург польское посольство ожидал специальный российский курьер, который сопровождал главу посольства до предназначенной ему резиденции. Далее, анализируя сложный придворный церемониал и степень важности царских чиновников, автор указывал на своеобразную «комедию», которую должны были разыгрывать все участники трудных переговоров. Плятер писал

о этом абсолютно неоднозначно*: «Мы тоже играем и будем играть [эту комедию], вообще вся наша жизнь – комедыя, разыгранная на огромном театре, один из эпизодов которого я описываю»*[7].

*****

Очень интересным оказывается описание ещё одной поездки посольства Минского воеводства к Екатерине II в 1793 году. Это посольство возглавлял минский воевода Адам Хмара (1720–1805). Воевода отправился в путь в сопровождении небольшой свиты. Целью этой поездки было воздание почестей императрице и получение налоговых льгот. Предполагалась также возможность уступок со стороны монархии относительно существующих ранее польских прав, которые были отменены после второго раздела Польши и введения российской администрации. Описание этой поездки составил некий Ян Комар, называющий себя борковским старостой и королевским камергером. Оригинал описания находится в Библиотеке имени Оссолиньских во Вроцлаве. Недавно он был издан как очень важный исторический источник[8].

Это путешествие началось 12 сентября из вотчины Хмаровых Семкув, расположенной недалеко от Минска, дорога до Петербурга длилась недолго, всего две недели, до 25 сентября. Но, к сожалению, обратный путь из-за причины нескольких поломок кареты и трудностей, связанных с поисками соответствующих лошадей на почтовых станциях, занял целый месяц.

Путешествующие, возвращаясь поздней осенью, были должны преодолевать трудный путь по неутрамбованным дорогам и болотам, по которым едва было можно проехать. Однажды даже самому воеводе пришлось выйти из кареты и только тогда лошади при помощи всех ехавших могли вытащить повозку из глубоких рытвин. Собственно говоря, автор путевого дневника жаловался на все участки дороги. Они были полны ухабов и были «невыровнены», а мосты, как он отмечал, тоже были «отвратительнейшие»[9]. Также часто очень неприспособленными были почтовые станции, в которых трудно было прибрести необходимые продукты. Мы находим несколько записей только перед самим Петербургом о том, что дорога была «хорошая» и даже «очень хорошая», а станции удобные[10].

По пути в Петербург поляки сделали много интересных наблюдений. Например, что за польской «старой границей», в первую очередь, не видно евреев, «*потому что этот народ их не терпит*»[11], поэтому на дорогах

нет трактиров, «*куда могли бы проезжающие, едущие на соответствующих лошадях, заехать*»[12]. Вдоль тракта также было очень мало деревень, поэтому было трудно достать продукты. Автор путевого дневника жаловался также на высокие цены. Как он отмечает, по дороге можно было купить только «*паршивую белую горилку*», конечно, всегда «казённую»[13], то есть с обязательной государственной пошлиной. В пути невозможно было купить пива, «*продавался только квас, пиво можно было купить только в Петербурге*» [14].

В Петербурге члены посольства посетили Эрмитаж, Кунсткамеру и другие достопримечательности столицы. Огромное впечатление произвёл на них Эрмитаж со своей великолепной коллекцией скульптуры и живописи и «*самых дорогих каменей, жемчуга, бриллиантов et cetera*»[15]. В Кунсткамере польские туристы, если пользоваться современной терминологией, видели много «*разных натуральных диковинок*»[16], которые довольно подробно перечисляются. По этому случаю утверждается, что в этих собраниях находилась огромная позолоченная серебряная дароносица, «*отобранная от князей доминиканов во время революции при взятии земель Смоленска, Киева etc в Дорпате*»[17], то есть после войн середины XVII века. Автор путевого дневника отметил также находящуюся в Кунсткамере библиотеку князей Радзивиллов, «*забранную в Несвеже во время барской конфедерации*», которая «*в совершенном беспорядке валялась на земле, а также в первом помещении была разбросана по земле при входе в Кунсткамеру*»[18].

Петербург произвёл на поляков огромное впечатление. «*Город,* – писал автор путевого дневника, – *поделён самыми каналами, а каналы дорогостоящей работой выложены тесаными каменями, а бреги грубыми железными штакетниками огорожены*»[19]. «*Много дворцов, разной структуры, больше четырёхэтажных, каменных, крытых железными крышами. Улицы просторные, шириной до 45 локтей, выложенные камнями и поделённые для проходящих пеших, а некоторые улицы местами были выложены тесаными каменями*»[20]. Также и берега реки Невы были обложены тесаными «каменями». В городе было поставлено много фонарей. Особое впечатление произвёл бронзовый памятник Петру I на коне [21].

Весьма отрицательно характеризует автор путевого дневника россиян. Он указывал на огромное «своеволие» людей всех сословий. Писал, что даже в высших сословиях издевались над добродетелью. Ещё резче Ян Комар отзывается о «простом народе», характеризуя его как «*хитрый,*

дерзкий, злобный, ленивый, беспутный, не имеющий жалости и милосердия над ближним, если бы даже умирающий для спасения просил подать напиться воды, то без оплаты он не подаст; вообще грубый, совершенно не подобный до других европейских народов, наконец, весьма склонный к воровству»[22]. Он подчёркивает также склонность россиян к сибаритству: аристократы одевают своих жён в богатые наряды, стараются во время приёма гостей, чтобы столы ломились от яств. С другой стороны, польский шляхтич хвалил придворный церемониал императрицы и приравнивал его к «*красивейшим*» в Европе[23].

Представленный путевой дневник можно анализировать в аспекте общественных контактов, которые можно трактовать как своего рода форму общественной коммуникации. Во время своего пути члены свиты воеводы чаще всего встречались со станционными смотрителями, которые очень по-разному помогали путешественникам, довольно часто находим описания весьма неприятных эпизодов, касающихся обслуживания[24]. К сожалению, в записях отсутствуют сообщения об интересных встречах с другими путешественниками. Что касается пребывания в Петербурге, где воевода со свитой принимали участие только в официальных приёмах, то в дневнике есть записи об аудиенции поляков у императрицы, о многочисленных обедах в домах российских аристократов[25]. Также с сожалением следует отметить, что в дневнике нет более конкретных записей о том, как проходили эти торжества, кроме фамилии хозяина, не указываются фамилии других присутствующих гостей. Несколько большее внимание автор уделил въезду в Петербург и аудиенции у императрицы турецкого посла, но и в данном случае в дневнике нет каких-либо конкретных упоминаний о контактах поляков с послом из Стамбула или с кем-либо из многочисленной турецкой свиты[26]. Существует запись об официальном показе гостям достопримечательностей города и его окрестностей[27].

Заканчивая краткий обзор этих документов, можно сделать вывод, что и Казимеж Константы Броэль-Плятер, польский сановник из Инфлянтии и Ян Комар, очевидно, небогатый шляхтич Великого княжества Литовского, оказались очень быстрыми и точными в отображении жизни России, а самое главное − представили обширную характеристику российского менталитета.

*****

Третий из анализированных текстов о путешествиях – это описание поездки некого анонима, который в 1797 году отправился из Минска в Петербург. Цель этой поездки было довольно трудно установить. Несомненно, что это был шляхтич из Минского воеводства. Сохранился оригинал описания этой поездки, находящийся в Библиотеке Вильнюсского университета, и который удалось издать в польской и белорусской версиях[28]. К сожалению, описание охватывает не весь маршрут пути, а лишь отрезок до старых польских границ и чуть дальше, но не до конечной цели поездки. Как и в других дневниках, оно пестрит от жалоб на качество дорог и придорожных трактиров. Однако в нём можно найти много интересных замечаний на тему окрестностей, увиденных во время это путешествия. Вероятно, стоит снова привести примеры оценки российского народа. Ярким в этом отношении является цитата о российских крестьянах: «*Хаты холопов российских далеко лучше выглядят, чем польских, потому что первые богаче. Но дальше в езде по краю видим много москалей, живущих так же плохо, как наши*» [конец цитаты]. Далее автор продолжал: «*Такое состояние людей в этой стране* [продолжение цитаты о крестьянах] *делает то, что просьбой и деньгами у них мало чего можно добиться. И ничего лучше на них не действует, чем кнут. Как у народов, которыми нельзя иначе управлять, чем угрозой, притом деспотичной*»[29].

Так же как и в предыдущем описании неизвестного автора в документе явно содержиться удивление отсутствием в России евреев: «*Евреев нет,* – и сразу в тексте добавляется, – *нет трактиров, а вместо них кое-где возведены строения, которые называются постоялыми домами, при которых очень неудобные конюшни для лошадей*»[30].

Так же как и в предыдущем путевом дневнике отсутствует информация о более близких межчеловеческих контактах по пути его следования. Кроме того минский шляхтич приводит много интересных замечаний еще и на тему быта в Российской империи.

*****

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить явную заинтересованность польских путешественников российской действительностью того времени. Путешественники с большим интересом осматривали достопримечательности, в первую очередь, Петербург и его окрестности.

Особое внимание они обращали на состояние дорог и места постоя. Как обычно в такого рода текстах, здесь можно найти много жалоб на неудобства поездки. Однако в этих описаниях существуют и положительные оценки. Путешественников интересовали межчеловеческие контакты, они обращали внимание на менталитет простого народа, в этой области находим много разных записей. Но авторы описаний концентрировали своё внимание на представлении светской жизни российской элиты, они отмечали официальный характер таких встреч, а также подчёркивали европейский порядок придворного этикета. Следует обратить внимание на отсутствие упоминаний о религиозных различиях. В принципе совершенно нет каких-либо замечаний относительно православия. Можно даже отметить определённого рода религиозное единство обеих частей христианства.

---

[1]Rozprawy z dziejów XVIII wieku. Z dziejów komunikacji socjalnej epoki nowożytnej pod red. J.Wójtowicza. Toruń, 1993; *Maliszewski K.* Komunikacja społeczna w kulturze staropolskiej // Studia z dziejów kształtowania się form i treści społecznego przekazu w Rzeczypospolitej szlacheckiej. Toruń, 2001.

[2]*Goban-Klas T.* Komunikowanie masowe. Zarys problematyki socjologicznej. Kraków, 1978.

[3]*Bokszański Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław, 1997.

[4]Djariusz podróży z Warszawy do Petersburga hrab. Kazimierza Konst. de Bröhl Platera, starosty inflanckiego później podkanclerza litewskiego w r. 1792 odbytej przepisany przez Kraszewskiego J. I. [w:] Czas. Dodatek miesięczny. T. IV. Rok pierwszy, październik, listopad, grudzień. Kraków, 1856. S. 667−739.

[5]Ibid. S. 730.

[6]Ibid.

[7]Ibid.

[8]*Knychalska A*. Diariusz podróży do Petersburga, [w:] Z dziejów kultury czasów nowożytnych. Wybór tekstów źródłowych pod red. M. E.Kowalczyk. Toruń. S. 55−110.

[9]Ibid. S. 61 in.

[10]Ibidem.

[11]Ibid. S. 105.

[12]Ibid. S. 105.

[13]Ibid. S. 106.

[14]Ibid. S. 106.

[15]Ibid. S. 92−93 i 86.

[16]Ibid. S. 87−88.

[17]Ibid. S. 88.

[18]Ibidem. S. 89. Gistory[b]laruskaj knigi. Tom I M.W.Nikala]u. Knixna] kul<tura W[likaga Kn[stwa Litouskaga. Minsk, 2009. S. 249; Bibliot]ka Radziwillow H]swixskou

ordinacii. Katalog isdanij iz fonda c]ntral<noi nauvnoj bibliot]ki im]ni {kuba Kolasa Nacional<noj Akad]mii Nauk B]larusi b]ka. Minsk, 2010. S. 20.

[19]*Knychalska A*. Diariusz podróży do Petersburga... . S. 107.

[20]Ibid. S. 107.

[21]Ibid. S. 107−108.

[22]Ibid. S. 109.

[23]Ibid. S. 76−78.

[24]Ibid. S. 66−75 i 96−105.

[25]См., например: Ibid. S. 76−78.

[26]Ibid. S. 85−87, 89−90.

[27]Ibid. S. 90 i n.

[28]*Rok B., Kozakow J.* Opis podróży z Mińska do Petersburga z 1797 r. anonimowego szlachcica z Białorusi, [w:] Z przeszłości Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych pod red. Matwijowskiego K., Ochmann-Staniszewskiej S., Roka B.. Wrocław, 1998. S. 109−120; *Rok B. Kozakow J.* Apisann] padaroxxa z Minska u P]c[rburg ananimnaga b]laruskaga \l[hcica [w:] Belaruski gistaryvny vasopis.1998. № 1. S. 55−63.

[29]*Rok B., Kozakow J.* Opis podróży... S. 119; *Rok B., Kozakow J.* Apisann] padaroxxa... S. 61.

[30]Ibid.